

так, в октябрьском номере итальянского журнала «Musika d'oggi» за 1923 год (V, 10) Альчео Тони<sup>25</sup> рассказал об установленной им идентичности «Гробшмидовых вариаций» и «Пассакальи» g-moll Генделя с двумя частями третьей и седьмой сонат для чембало Дуранте<sup>26</sup> (рукопись Миланской консерватории), — суть дела отнюдь не изменилась.

Если и сейчас господствующая музыкальная этика допускает законность всякого рода «аранжировок» и «обработок», по поводу которых столь справедливо негодовала Ванда Ландовска — уже не «сухой» теоретик-музыковед, но тонкий практик-исполнитель живого

музыкального искусства<sup>27</sup>, — то прежде, когда музыка еще не была отображением личной психической жизни, а индивидуализация ее стояла вне творческих устремлений эпохи, — вопрос о заимствованиях далеко не всегда имел тот уголовный («криминальный», по выражению Мозера) характер, который ему хотят теперь придать многие исследователи. Социологический подход к музыке избавляет от многих заблуждений, и хочется думать, что и в данном случае он позволит стать на верный и правильный путь.

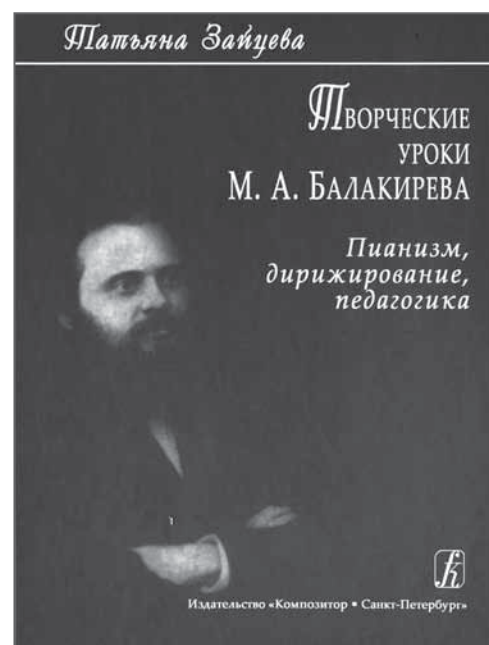
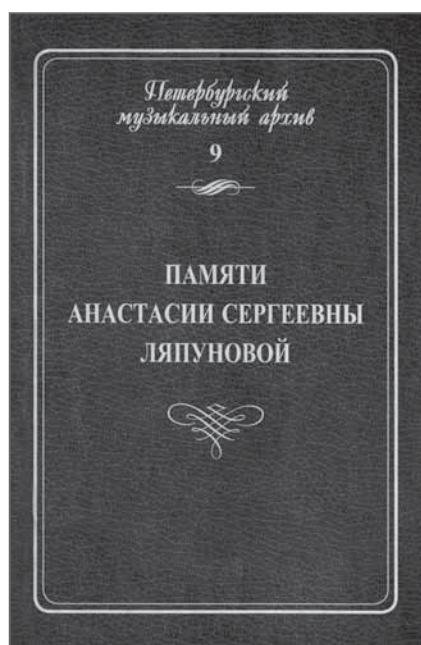
Публикация В. С. Величко

## Marina RAKHMANOVA Two books

### Марина РАХМАНОВА Две книги

Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: Сб. науч. ст. / Гл. ред. Т.З. Сквирская. СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2012. 304 с. (Петербургский музыкальный архив; Вып. 9).

Зайцева Т. А. Творческие уроки М. А. Балакирева. Пианизм, дирижирование, педагогика. СПб.: Композитор, 2012. 496 с.



На Бражниковских чтениях этого года со мной случилась странная история. В руках у коллеги я увидела книгу, которая только что вышла в свет, которой еще не было в продаже, — из первых, сигнальных экземпляров. Я попросила посмотреть — и не смогла выпустить издание из рук. Коллега (спасибо ему!) был столь любезен, что не стал отнимать свою собственность, — безропотно отдал. Я начала читать книгу в первую же освободившуюся минуту, читала в «Сапсане» по дороге в Москву,

читала уже дома, ночью — пока не дочитала до конца. А через некоторое время начала читать заново...

Такой книгой стал для меня девятый выпуск Петербургского музыкального архива, посвященный памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой, — исключительно красиво изданный, с потрясающим большим фотоальбомом и такими великолепными — без единого исключения — статьями коллег, что сердце радовалось на каждой странице. Сразу отмечу, что не весь объем издания

<sup>25</sup> Тони (Toni) Альчео (1884–1969) — итальянский композитор и музыковед. В 1932 г. Тони стал одним из инициаторов антимодернистского манифеста. Соч.: камерно-инструментальные произведения, месса, хоры; Studi critici d'interpretazione (Milan, 1925, 2/1955), Strappate e violinate (Milan, 1931), Bazzini (Milan, 1946), V. M. Vanzo (Milan, 1946): Stile, tradizione convenzioni del melodramma italiano (Milan, 1958-64).

<sup>26</sup> Дуранте (Durante) Франческо (1684–1755) — итальянский композитор, представитель неаполитанской школы. Ученики: Т. Траэтта, Э. Дуни, А. Саккини, Н. Пиччинни, П. Гульельми, Дж. Паизиелло. Соч.: мессы, мотеты, кантаты, псалмы, гимны, «Ламентации Иеремии», «Магнификат», антифоны, камерно-вокальные произведения].

<sup>27</sup> Ландовска В. Старинная музыка. М., 1913. С. 46–51.

посвящен Анастасии Сергеевне и вообще семье Ляпуновых; есть тут и второй раздел, состоящий из разных, тоже очень и очень привлекательных, материалов, связанных с петербургским рукописным наследием. В том числе лично привлекательных для автора этих строк, в чьи научные интересы постоянно входит и наследие Римского-Корсакова, косвенно отраженное в чудных воспоминаниях Т. С. Бершадской о присяжном биографе Корсакова — В. В. Ястребцеве, и труды С. В. Смоленского (очень внимательная, насыщенная статья А. Н. Кручининой и Ф. В. Панченко о певческих рукописях, пришедших от Смоленского в Отдел рукописей Библиотеки консерватории). Не стану перечислять, что еще есть в этом втором разделе: все материалы достойны уважения, а очерк А. И. Климовицкого «А. К. Лядов в работе над оркестровкой „Песни о блохе“ М. П. Мусоргского» — еще и восхищения мастерством автора. Актуален, конечно, и разговор о редакциях партитуры Второй симфонии Бородина Э. А. ван Домбург, особенно в свете ведущейся сейчас деятельности по восстановлению аутентичного облика партитуры и драматургического плана «Князя Игоря» (этот облик уже и озвучили в театре «Геликон-опера», пока лишь в концертном исполнении).

Словом, на редкость удачным стал весь девятый выпуск, но все же главное в нем — ляпуновские материалы.

Если бы мы всегда были так внимательны к судьбам наставников наших! Сколько бы важного, необходимого раскрылось бы перед нами! К глубокому сожалению, я не встречалась с Анастасией Сергеевной, но я помню, как-то были люди этого поколения — хранители библиотек и архивов, часто именно женщины, часто происхождения «из бывших» и почти всегда — с трудной личной судьбой. Они делали очень-очень много, а нам — разумеется, смотревшим на них с почтением, — казалось все же, что это естественно, что так оно всегда и бывает. Я помню, например, живую легенду библиотеки Московской консерватории — Ольгу Павловну Ламм (явная параллель Анастасии Сергеевне по характеру и масштабам деятельности). В мое время она уже ушла на пенсию, но часто появлялась в консерваторской библиотеке — и все, педагоги и студенты, кланялись ей при встрече, а многие оборачивались и смотрели вслед; до сих пор помню ее улыбку и сияние огромных голубых глаз. Умершая накануне своего 90-летия, Ольга Павловна никогда не была старой. Скорее всего, именно так обстояло дело, судя по опубликованным в книге фотографиям, и с Анастасией Сергеевной — на всех фото она очень красивая (как и все в семье Ляпуновых) и, наверное, очень строгая...

Образ Анастасии Сергеевны дан в книге вместе с портретами всех Ляпуновых, начиная с Сергея Михайловича и продолжая его супругой и детьми — братьями и сестрами Анастасии Сергеевны. И тут у меня снова воз-

никают «московские параллели». Судьба семьи Ляпунова с семьей детьми, от которой в живущем ныне поколении остался лишь один внук и его дочь, сразу напомнила мне судьбу семьи Василия Ильича Сафонова с десятью детьми, от которой в живущем поколении остался один правнук и его двое детей (в США). В обеих семьях дети были умны, красивы и талантливы. Какой же силы вихрь разметал их всех! Огромное мужество потребовалось тем, кто, будучи в поколении внуков единственными хранителями семейного наследия, выдержали все превратности и все сохранили. Очень сильными и стойкими были Анастасия Сергеевна Ляпунова и Илья Кириллович Сафонов, ныне оба покойные.

И вот результаты этой стойкости: прекрасно сохраненные, классифицированные семейные (а также в обоих случаях и параллельные семейным) архивы, которые ныне подробно и с любовью описываются авторами этого сборника — Т. З. Сквирской, Л. А. Миллер (Петербургская консерватория), Е. А. Михайловой (Российская Национальная библиотека), Ф. В. Панченко и Л. В. Герашко (Пушкинский Дом), то есть представителями всех «подразделений», хранящих ляпуновские материалы. И, кстати, чуть ранее в Москве вышли два сафоновских толстых тома — «Летопись жизни и творчества»<sup>1</sup> и «Письма»<sup>2</sup>. Видно, время пришло.

Кроме того, в ляпуновском разделе сборника есть еще два замечательнейших текста: обаятельные воспоминания А. И. Климовицкого и «Дело о церкви» В. Р. Миллера, продолжающего здесь свою любимую тему — церковная деятельность и духовно-музыкальное наследие Сергея Ляпунова. Вообще, в книге немало вроде бы чисто семейных, «родовых» материалов, но и через них воссоздается облик времени, точнее, разных «российских времен».

Описывать содержание такой книги — дело вполне безнадежное, ее надо читать, и притом очень внимательно. Могу только чуть-чуть остановиться на том, что особенно привлекло меня и даже поразило.

Во-первых, это причины отъезда Сергея Михайловича Ляпунова из Советской России и обстоятельства его кратковременного пребывания во Франции и скоропостижной кончины.

Я всегда думала, что отъезд Ляпунова связан напрямую с известнейшим судебным процессом 1922 года — «делом о Церкви», в котором он был одним из обвиняемых и осужденных, хотя и условно. Было у меня общее представление и о деятельности Ляпунова как старосты консерваторской церкви, и (благодаря трудам сильнейшего питерского церковного историка М. В. Шкаровского) о сопротивлении Ляпунова вместе со священником этого храма А. М. Толстопятовым так называемому «изъятию церковных ценностей». Но я не знала, что

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества В. И. Сафонова: биография отдельного лица / Регион. обществ. фонд по пропаганде творч. наследия композитора А. Н. Скрябина; [сост. Л. Л. Тумаринсон, Б. М. Розенфельд]. Москва: Белый берег, 2009. 766 с. — *Прим. ред.*

<sup>2</sup> В 2011–2012 гг. вышли в свет следующие издания: *Сафонов В. Избранное: Переписка 1880–1905 годов* / Сост. Л. Л. Тумаринсон, Е. Д. Кривичкая. М.: Петроглиф, 2011. 757, [1] с.; *Сафонов В. Странствующий маэстро: Переписка В. И. Сафонова 1905–1917 годов* / Сост. Л. Л. Тумаринсон. М.: Белый Берег, 2012. — *Прим. ред.*

отъезд Ляпунова был вызван не столько страхом перед дальнейшими преследованиями (что наверняка имело бы место, если не в 20-х, то гарантированно — в 30-х годах), сколько невыносимым материальным положением, в которое была поставлена после процесса семья советским налогообложением и реквизицией квартиры, — ей оставалось только голодать. Не знала я и того, что Сергей Михайлович надеялся найти за рубежом одного из своих троих сыновей, ушедшего в Гражданскую войну и пропавшего без вести — вслед за своим братом, погибшим на фронтах Первой мировой.

Но я знала о судьбе третьего сына композитора — Бориса, ставшего иеромонахом, одним из руководителей Александро-Невского братства, и еще застала в живых регента Братства, которая вспоминала, как Борис — тогда уже иеромонах Сергей — давал ей «Азбуку Александра Мезенца» и призывал учить крюки и петь по ним в храме. Это, конечно, напрямую перекликается с программами по изучению церковного пения, которые составлял для консерватории его отец. Сергей Михайлович не дожил до ареста и преждевременной смерти в лагере своего младшего сына. Может быть, стоило бы рассказать об этом подробнее.

Во-вторых, открытием для меня стала переписка Анастасии Сергеевны с людьми из Русского Зарубежья, которую она начала сразу, как только это стало возможно, настойчиво и целеустремленно вела много лет и достигла своей цели — нашла все, что оставалось, из рукописей отца, собрала воспоминания о последнем годе его жизни, прошедшем во Франции, и получила возможность посетить его могилу. Вообще, все документы, приводимые В. А. Сомовым в его статье «Из переписки А. С. Ляпуновой», поразительны. И, может быть, особенно впечатляет письмо 1959 года, с которым Анастасия Сергеевна обратилась в ЦК КПСС, — и по поводу празднования 100-летия со дня рождения композитора, и по поводу перенесения его праха на Родину, и по поводу условий ее собственной жизни. С каким достоинством и как жестко и четко написан этот документ! Правда, 1959 год — это еще так называемая «оттепель», но и тогда немногие решились бы на такой стиль общения с властью. Исключительно интересно также письмо, направленное Анастасией Сергеевной Т. Н. Хренникову уже в 1971 году, после поездки во Францию, и посвященное судьбам русских зарубежных архивов. Если бы тогда, а не двумя-тремя десятилетиями спустя, когда многие спохватились, были предприняты указываемые Ляпуновой меры, в наших хранилищах были бы значительно больше материалов по Русскому Зарубежью, а что касается архивов обоих Черепниных, о которых печется Анастасия Сергеевна, то не пришлось бы нам сегодня гадать, как добыть из Фонда Захера (куда продали архив Николая Николаевича Черепнина его наследники)

не представленные в России партитуры двух его поздних опер и еще целого ряда сочинений.

В-третьих, открытием для меня стало сообщение Е. А. Михайловой о так называемой второй описи фонда Ляпуновой в РНБ (открытой только в 1998 году), особенно же о хранении в этом фонде плана неосуществленного романа, рассказов и воспоминаний. Занимается ли этим кто-нибудь? Сообщение о плане романа и даже его «отдельных отрывках» напомнило мне о не очень давно опубликованном романе другой замечательной женщины того же поколения — о «Побежденных» Ирины Владимировны Головкиной-Римской-Корсаковой<sup>3</sup>, внучки композитора, где речь идет о судьбах петербургских «бывших», в том числе из ее собственной семьи. Кажется, стоило бы опубликовать, если только можно, и прозу Анастасии Сергеевны.

Конечно, много раз на страницах этой прекрасной — повторяю, во всех отношениях, начиная с внешнего облика, прекрасной — книги упоминается имя любимого не просто учителя, а наставника Ляпунова, Милия Алексеевича Балакирева. Сергей Михайлович хранил большую часть его архива, и все это ныне цело и находится в соответствующих местах. Хранила память о Балакиреве и семья Ляпунова: кроме хорошо известных масштабных трудов Анастасии Сергеевны по изданию переписки Балакирева и воспоминаний о нем (всем этим мы пользуемся по сей день, и комментарии Ляпуновой к балакиревским документам, хотя и могут быть дополнены, но по сути своей остаются образцовыми), можно привести и такой факт.

Присутствуя на упомянутых выше Бражниковских чтениях, я зашла в нотный магазин на Невском, увидела там небольшую книжку о Владимире Иванове-Корсунском и купила ее на всякий случай. Оказалось — совсем недаром. Опубликованные Кариной Щириной под научной редакцией Т. А. Зайцевой дневники<sup>4</sup> этого позднего ученика Балакирева свидетельствуют, во-первых, что, в соответствии с заветами Милия Алексеевича, Корсунский остался церковным человеком и во второй половине жестоких 30-х годов сочинял духовную музыку. Еще он относил ее в Князь-Владимирский собор, и там новые песнопения исполнялись прямо «из-под пера» — факт поразительный сам по себе. Но вот что важно: Корсунский оказался единственным человеком, который в дни 100-летия со дня рождения, то есть в 1937 году, озаботился церковным поминовением Балакирева. С певчими договориться не удалось — оказалось слишком дорого, а денег у Корсунского было в обрез; отслужили без пения и совсем скромно: присутствовали только сам Корсунский, а также Варвара Дмитриевна Комарова и Ляпуновы, мать и две дочери. Представим себе этот день — 7 января 1937 года: панихида с одним священником в пустом храме и вечером концерт в филар-

<sup>3</sup> Головкина И. В. (Римская-Корсакова). Побежденные. М.: Русло, 1993. 743 с. — Прим. ред.

<sup>4</sup> Иванов-Корсунский В. М. Противостояние: Воспоминания и дневники / Публ., предисл., коммент. К. Ю. Щириной. СПб.: Композитор, 2006. — Прим. ред.

монии, на котором присутствовало не более полусотни человек, в том числе, конечно же, все находившиеся в живых Ляпуновы, и Анастасия Сергеевна среди них...

Воспоминание о 100-летию Балакирева позволяет мне плавно перейти к еще одной петербургской книге, о которой хотелось бы сказать несколько слов. И тоже — книге, прекрасной во всех отношениях и попавшей ко мне почти одновременно с девятым выпуском «Петербургского музыкального архива». Это — очередной балакиревский том Татьяны Андреевны Зайцевой, под названием «Творческие уроки М. А. Балакирева. Пианизм, дирижирование, педагогика». Я сначала удивилась, потому что ожидала следующий по хронологии том большой монографии о Балакиреве, которую пишет Зайцева. Но во вступлении к книге прочла авторское пояснение: отдельной серией издаются сборники «Балакиреву посвящается» (вышло два, готовится третий), отдельно — научная биография (вышел первый том, готовятся второй и третий, ведется работа над четвертым); еще существует нотная серия. А появление данного тома объяснено так: «В процессе работы оказалось, что есть темы, которым тесно в рамках данной тетралогии, [то есть научной биографии. — М. Р.], которые требуют специального изучения. [...] До сих пор эти темы затрагивались только попутно, в тени других сюжетов»<sup>5</sup>.

Я вообще не самый большой почитатель трудов по исполнению — вероятно, в силу недостаточности собственной компетентности в этой сфере. Однако «Творческие уроки» читала с глубоким удовольствием и с постоянной мыслью: «Как повезло, наконец, Балакиреву! Какой у него замечательный истолкователь: умный, любящий и все понимающий, а ведь с пониманием Балакирева дело обстоит совсем не просто».

Об этой книге, о ее, так сказать, методологии надо писать отдельно. Жанр очень хорошо определен самим автором как «исследовательские очерки», то есть он достаточно произволен, и каждая глава — Балакирев-пианист, дирижер, педагог — строится по своему плану, в общем

хронологически, но не обязательно, никак не подменяя собой научную биографию, а «ветвась» вокруг основных мыслей, как побеги вокруг ствола. «Ствол» же — конечно, личность Балакирева. Чтобы писать в таком жанре, мало иметь возможность работать в различных архивах, знать «назубок», без справок и держать в голове сразу всю, если можно так выразиться, панораму событий и явлений. Еще надо писать так выразительно и убежденно, с такой мощной «подачей» на читателя, как это делает Татьяна Андреевна и как встречается весьма не часто. Это поучительный и вдохновляющий пример.

Что же касается отдельных мыслей книги, то в целом они работают на основную цель: раскрытие дела Балакирева — скажем опять словами автора, ибо лучше не получится, — как «строительства новой музыкальной культуры», что позволило бы вывести отечественную музыку в авангард музыки мировой. А также — создания нового образа музыкальной России.

Книга написана и оформлена просто безукоризненно; очень хороши и изобразительный ряд, и многочисленные приложения. Среди них я бы выделила интереснейшие учебно-методические записки Балакирева и хоть и небольшие, но важные и ранее почему-то не публиковавшиеся воспоминания той самой вышеупомянутой Варвары Дмитриевны Комаровой-Стасовой<sup>6</sup>, которая знала Балакирева с детства и на протяжении многих лет, а, кроме того, была опытной писательницей, умевшей точно выражать свои мысли. И между прочим, именно в этих воспоминаниях представительницы ставского семейства (то есть, безусловно, свободомыслящей личности) дан самый убедительный из тех, что я знаю, ответ на те фрагменты «Летописи» Римского-Корсакова, в которых Балакиреву предъявлено самое тяжкое обвинение — в ханжестве: «Он был глубоко верующим человеком, но совершенно свободно верующим...», — и так далее, с подробной аргументацией.

Дорогие петербургские коллеги, поздравляю вас с прекрасными книгами и благодарю за них.

<sup>5</sup> Зайцева Т. А. Творческие уроки М. А. Балакирева. Пианизм, дирижирование, педагогика. СПб.: Композитор, 2012. С. 11. — Прим. ред.

<sup>6</sup> Воспоминания В. Д. Комаровой-Стасовой о М. А. Балакиреве были опубликованы: Комарова В. Д. Из воспоминаний о Балакиреве / Влад. Каренин // РМГ. 1910. № 41. Стлб. 887–888. — Прим. ред.